

Екатерина Баженова

СВЕТЛАЯ

ОТ БОЮ
НА ~~БОЮ~~ ГОЛОВУ,
КАРАТЕЛЬ

Екатерина Баженова

**Светлая на (всю) твою
голову, Каратель**

«Автор»

2026

Баженова Е.

Светлая на (всю) твою голову, Каратель / Е. Баженова —
«Автор», 2026

Я умирала, но моя подруга-ведьма сумела заточить меня в параллельном мире. Там я жила своей жизнью и, как выяснилось, ничего не пропустила. Ведь мой мир оказался самым настоящим зеркалом реальности. А потом Лика вызволила меня, пыталась вылечить, но я, сама того не ведая, загадала желание, и её муж Чёрт исполнил его. В тот же миг я очутилась в неизвестном мне мире, так похожем на наш. Я снова умираю, но это не повод давать плохишам расслабляться. Есть тут один Каратель, которого надо научить хорошему... От автора: Пришла пора рассказать историю Аллани. Куда она пропала, когда Демьян щёлкнул своими шаловливыми пальцами. ВАЖНО! СЛОУБЁРН

© Баженова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Баженова

Светлая на (всю) твою голову, Каратель

Глава 1

Всё тело ломит — будто меня прокрутили через мясорубку, а потом собрали обратно. Я не падаю, я прорастаю сквозь что-то холодное и вязкое, и с хрустом вываливаюсь на твёрдое.

Воздух бьёт в лицо — не свежий, нет. Он густой, сладковатый и отдаёт железом.

Открываю глаза. Небо. Но не наше, даже не моё из параллельного мира. Оно цвета старой серебряной монеты, по нему плывут багровые, ленивые облака.

Солнца нет. Свет льётся отовсюду и ниоткуда одновременно.

— Вот чёрт, Демьян, — шиплю я, пытаюсь приподняться на локтях. — Опять ты со своими щелчками. Лика-а-а!

Только голос звучит слабо и тут же глохнет в этой тяжёлой тишине. Боль в груди знакомая, противная, сверлящая. Та самая, от которой Лика спрятала меня в моей уютной зубной щётке-вселенной.

Она вернулась.

Значит, магия подруги окончательно рассеялась, и моё проклятое тело снова на исходе. Ирония — умереть, едва вернувшись в настоящий мир.

Хотя... где я?

Оглядываюсь. Я лежу на огромной, отполированной до зеркального блеска плите из тёмного камня.

«Жертвенный камень», — ехидствует внутренний голос.

Но вокруг такие же плиты, образующие площадь. По краям её вздымаются строения — небоскрёбы, но какие-то неправильные, словно выросшие сами по себе кристаллы.

Они сверкают чёрным стеклом и бледным металлом. Воздух мерцает, как над асфальтом в зной, только жары нет.

Холодно.

И тут до меня доходит главное. Я в другом мире. Но он... он такой детализированный. Каждая трещинка на камне, каждый блик на стеклянной башне. Значит, это не «зеркало», где я провела десяток последних лет.

В моём мире всё было реальным, но чуть не таким, более идеальным, что ли. Здесь — реальность, в которую я влетела со всех ног.

— Эй! — раздаётся голос.

Я вздрагиваю. С площади, из-за угла, появляются двое. Не люди. Нет. Они в доспехах цвета воронова крыла, но доспехи эти словно живые — плавно перетекают по их телам, когда они идут.

Лиц не разглядеть — шлемы без прорезей, просто гладкие тёмные поверхности. Но я чувствую на себе взгляд. Колкий, подозрительный. Как такое возможно?

— Кто ты? Как сюда проникла? — голос одного звучит механически, без эмоций.

Мысль проносится быстрее молнии: говорить правду — сочтут за сумасшедшую. Лгать — не поверят. А боль нарастает, сжимая лёгкие.

— Я... заблудилась, — выдавливаю я, пытаюсь улыбнуться. Получается жалкая гримаса. — Где это я?

— На Плацдарме Падших, — отвечает второй. Его «рука» из доспеха вытягивается, превращается в нечто вроде щупальца с зазубренным наконечником. — А заблудиться здесь нельзя. Сюда попадают только по приговору.

Щупальце летит ко мне. И во мне что-то щёлкает.

Что-то глубоко внутри. Тёплый, яркий комок в самой глубине, где пряталась боль. Он резко расправляется, как цветок под солнцем. И из моей груди вырывается свет.

Не ослепительная вспышка, а мягкий, золотистый свет, который обволакивает меня, как кокон. Щупальце, коснувшись его, отскакивает с шипением. Доспех на том, кто его послал, тускнеет, на мгновение становится матовым.

Оба стражника замирают. Потом синхронно, не сговариваясь, кричат — не голосом, а каким-то пронзительным звуком, который бьёт по ушам.

Я пытаюсь встать, бежать, но ноги не слушаются. Свет вокруг меня пульсирует в такт моему бешеному сердцу. Я просто сижу, задыхаюсь и свечусь, как новогодняя гирлянда в припадке.

Глупо. Ужасно глупо.

Они набрасываются уже втроём, вчетвером. Отовсюду появляются эти странные люди или нет, я не знаю. Их щупальца, лезвия, какие-то энергетические хлысты бьют по моему светящемуся барьеру.

Он держится, но с каждым ударом мне становится хуже. Не больно. Я чувствую, как они высасывают мои силы. Комок света внутри начинает угасать.

— Довольно! — новый голос.

Он режет воздух как лезвие. На площадь входит... я не знаю, кто он.

Высокий. Очень высокий. В плаще из чего-то, что похоже на спрессованную тьму. Он струится за его спиной живой тенью. Лицо — резкое, бледное, с высокими скулами и губами, натянутыми в тонкую нить. Волосы — чёрные. А глаза... глаза холодные, как озёра во льду.

Он смотрит на меня, и в его взгляде я вижу явное любопытство. Холодное, аналитическое. Он изучает меня, с каждым шагом всё больше и больше впиваясь в меня своим взглядом.

Стражи немедленно замирают, отступают, склоняют головы.

— Верховный Каратель, — гнусавит один из них. — Нарушитель. Обнаружила себя на Плацдарме. Применяла запрещённую световую магию.

— Я вижу, — говорит Верховный. Его голос низкий, бархатный, и от этого ещё страшнее.

Он делает шаг ко мне. Мой светящийся кокон при его приближении вспыхивает ярче, но он не моргнув глазом протягивает руку.

Его пальцы, длинные и бледные, касаются барьера. Раздаётся шипение, будто он сунул руку в кислоту. От кончиков его пальцев идёт дымок. Но он не отдёргивает руку. Он давит.

Барьер трещит, сжимается. Боль в груди взрывается новым витком. Я вскрикиваю.

— Интересно, — произносит он задумчиво. — Чистый свет. Неочищенный. Примитивный. Но... живой. Откуда ты, свечечка?

Я не отвечаю. Я просто дышу, точнее, пытаюсь втянуть в себя этот сладковато-железный воздух. Вдруг сбоку раздаётся новый голос — скользкий, силовый, будто говорящий пролезает сквозь щель.

— Ратибор. Я знаю её. Вернее, знаю того, кто её сюда послал.

Из тени за углом ближайшей башни выплывает ещё одна фигура. Низкая, относительно Верховного, сгорбленная. Его доспехи не плавные, а чешуйчатые, они поблёскивают ядовито-зелёным. Лица не видно, оно прячется под капюшоном, но я чувствую — он смотрит на меня с такой ненавистью, что мой световой кокон сжимается ещё сильнее.

— Эмиль, — Ратибор даже не поворачивает головы. — Твоя осведомлённость, как всегда, вовремя.

— Это дитя того мира, — шипит тот, подбираясь ближе. Его движения плавные, вкрадчивые. Настоящая змея. — Мира, где хозяйничает тот выскочка-чёртёнок Демьян и его ведьма. Я чувствую на ней печать его шутовской магии. Он бросил её сюда, как бросил когда-то вызов мне.

Имя «Демьян» заставляет Ратибора на долю секунду сузить глаза. Его взгляд на мне становится тяжелее.

— Демьян, — повторяет он. — Значит, это диверсия. Или подарок. Он всегда отличался отличным вкусом.

— Это враг! — настаивает Эмиль, его рука с острыми как бритва, чешуйками указывает на меня. — Чужеземка, носитель враждебной энергии. Её свет оскверняет саму суть Тени, на которой стоит наш город. Прикажи казнить, Ратибор. Немедленно. Пока её зараза не расплзлась.

Сердце у меня замирает. Казнить. Вот так вот. Только-только вырвалась из одной ловушки, чтобы угодить в другую. Глупо, Аллани. Очень глупо.

Ратибор медленно обводит взглядом площадь, меня, Эмиля, который уже потирает чешуйчатые ладони. На его тонких губах появляется что-то. Не улыбка. Оскал. Хищный, холодный.

— Казнить? — говорит он тихо, и все замирают. — Нет, Эмиль. Рано. Слишком рано.

Он делает ещё шаг, и мой барьер с треском ломается, рассыпаясь на тысячи золотых искр, которые тут же гаснут в тяжёлом воздухе. Он нависает надо мной, блокируя хоть и слабое, но свечение серебряного неба.

— Она интересна мне, — продолжает Ратибор, и его глаза блестят ледяным любопытством. — Этот свет... он реагирует на агрессию. На злобу. На тень. Интересно, что будет, если дать ему иной стимул.

Я пытаюсь отползти, но он просто наклоняется и хватается меня за руку. Его прикосновение обжигает холодом. Настоящим, пронизывающим до костей холодом пустоты.

— Отвести её в мои покои, — приказывает он, обращаясь к стражам. Его взгляд ещё раз скользит по моему лицу, и в нём вспыхивает что-то, отчего мне становится не по себе. — В верхние. Посмотрим... на что способна эта заблудшая свечечка. Я хочу изучить её поближе...

Эмиль издаёт яростное шипение.

— Ратибор! Это безумие! Ты даёшь чуме расположиться в самом сердце твоей власти!

— Моя власть, — отрезает Ратибор, не глядя на него, — не так хрупка, чтобы её могла пошатнуть одна умирающая девчонка со светящимся нутром. Или ты в этом сомневаешься, Каратель?

Эмиль мгновенно замолкает, лишь чешуя на его спине приподнимается от ярости.

Верховный Каратель, Ратибор, разворачивается и даёт знак стражам. А сам уходит вперёд, его плащ из тьмы колышется за ним.

Меня волокут следом, по зеркальным плитам, к самой высокой из стеклянно-кристаллических башен. А сзади я чувствую, как на мне горит ненавидящий взгляд Эмиля. Он не отступил. Он просто затаился.

Но это наименьшая из моих проблем. Что со мной собирается сделать этот Верховный? Вот самое страшное...

Глава 2

Меня не ведут. Меня волокут. Руки затекают от цепких лап стражей, ноги скользят по полированному камню, не успевая за их быстрым, отглаженным шагом.

Башня Верховного Карателя — игла, воткнутая прямо в хмурое небо. Внутри — никаких лестниц, никаких очевидных дверей. Просто гладкие стены того же чёрного стекла. Один из стражей прикладывает ладонь к поверхности, и в ней возникает проём.

Лифт. Или что-то очень на него похожее — небольшое, тесное пространство без кнопок. То есть отсюда сбежать вообще не вариант? Похоже, эта штука активируется или магией этих людей или существ.

Меня заталкивают внутрь. Двое стражей со мной. Двое остаются снаружи. Те, что внутри, даже не дышат, кажется. Может, они вовсе и не люди?

Атмосфера густеет, становится вязкой. Кабина движется вверх так плавно, что почти незаметно. Только в ушах закладывает, а в висках начинает стучать от перепада давления или от страха. Или от этой проклятой боли в груди, которая никуда не делась, а лишь притихла, затаилась, как раненый зверь где-то в берлоге.

— Эй, — пытаюсь вдохнуть полной грудью, но воздуха мало. — Куда...?

Один из стражей поворачивает ко мне свой гладкий, безликий шлем. Ничего не говорит. Просто смотрит. Мне хватает.

Ответов сегодня точно не будет.

Глаза сами собой слипаются. Силы уходят, как вода в песок. Голова тяжёлая, её клонит вперёд. Я борюсь с обмороком, кусаю губу до боли, но тьма на краях зрения сгущается. Отключаюсь на секунду. Или на минуту. Прихожу в себя от резкого толчка — кабина остановилась.

Двери раздвигаются так же беззвучно, как и ехал лифт.

Я вываливаюсь в пространство, от которого на мгновение перехватывает дыхание даже в моём полуобморочном состоянии. Это не комната. Это... зал. Сводчатый потолок теряется где-то в вышине, в полумраке. Стены — те же чёрные зеркала, в них отражаются призрачные блики откуда-то сверху. Не от люстр, а от огромных, призрачно светящихся сфер, которые плавают под потолком, как луны-призраки.

Ужасающе, но надо признать, очень красиво.

— Вперёд, — бросает один из стражей и толкает меня между лопаток.

Я едва удерживаюсь на ногах, спотыкаюсь о край длинного, тяжёлого ковра со сложными, мрачными узорами. В конце зала — платформа. И на ней — кровать. Огромная, широкая, больше похожая на лодку. Сделана вроде из тёмного дерева, покрыта простынями цвета слоновой кости.

Вот к ней-то меня и направляют. Волосы встают дыбом, а в глазах появляется настоящий ужас.

— Нет, — выдыхаю я упираясь. — Подождите. Что это? Где я? Он же собирался изучать меня, а не... нет! Пожалуйста!

Пытаюсь бороться, но что я могу против этих здоровых охранников?

Ответом на мои мольбы служит ещё один толчок, и я падаю на мягкую поверхность. Пружинащий матрас принимает меня, проваливаюсь в него. Запах — холодный, чистый, как морозный воздух в лесу. Совсем не подходит к этому месту.

Но хоть где-то я могу дышать полной грудью... но недолго, судя по всему.

— Владыка велел ждать, — произносит стражник, и в его механическом голосе проскальзывает что-то насмешливое.

— Ждать чего? — пытаюсь приподняться на локтях, но голова кружится. Всё плывёт.

Второй страж, тот, что помолчаливее, поворачивается к выходу. Его напарник бросает на меня последний взгляд, если это можно так назвать — он поворачивает ко мне безликий шлем.

— Развлечений, наверное, — слышу я его шёпот, обращённый к другому. Слышен тихий, неприятный смешок. — Он же давно не брал наложниц. А эта... свеженькая. Интересная. Перед тем как шею свернуть, позабавится.

Слова долетают до меня сквозь туман в голове. Язык прилипает к нёбу. Становится дурно. Не от страха даже, а от полной, абсолютной беспомощности. И от осознания того, что они, возможно, правы.

Двери за ними закрываются беззвучно, оставляя меня одну в этом ледяном, огромном пространстве.

Лежать на этой кровати — всё равно что соглашаться с их словами. Сползаю на пол. Пол холодный, твёрдый — бодрит. Подползаю к ближайшей стене, к тяжёлому, резному комоду из того же тёмного дерева, что и кровать. Забиваюсь в угол, между комодом и стеной. Поджимаю ноги, обнимаю колени.

Тишина. Давящая, абсолютная. Я вслушиваюсь в неё, затаив дыхание. Пытаюсь уловить шаги, звуки за дверью. Ничего. Только пульсация в висках и нарастающая боль в груди, как напоминание, что я всё ещё жива. Пока что.

Проходит время. Минута? Час? Не могу сказать. Свет от плавающих сфер не меняется. Он призрачный, будто ненастоящий. От него хочется спать, но сон — это капитуляция.

И вдруг — скрип. Лёгкий, едва уловимый. Не от главных дверей. Откуда-то сбоку.

Я вжимаюсь в угол сильнее, стараясь стать невидимой.

Часть стены отъезжает в сторону, образуя узкий проход. Не дверь даже, а больше потайной лаз. И в него входит девушка.

Не страж. Не воин. Обычная девушка, лет двадцати пяти, в простом платье серого цвета, с гладкими, зачёсанными назад тёмными волосами. В руках она несёт свёрток белой ткани и небольшой деревянный поднос.

Вроде обычный человек... или очень на него похожа. Может, одна из наложниц, про которых говорили стражи?

Но что ей надо от меня?

Останавливается, оглядывает зал, её взгляд скользит по кровати, пустой, и, поблуждав немного по комнате, находит меня в углу. Никакого удивления на её лице.

— Владыка приказал привести тебя в порядок, — говорит она.

Голос тихий, ровный, без интонаций. Как у служанки, выполняющей рутинную работу.

Я смотрю на неё, не веря своим глазам. Так просто? Он приказал, и все пляшут под его дудку?

— Я... я не буду, — выдыхаю я, и голос мой звучит сипло, срывается. Пытаюсь встать, опираясь на стену. Ноги дрожат, но держат. — Слышишь? Я не буду спать с этим... как его... Ратибором! Я не наложница!

Девушка ставит поднос на комод и разворачивает свёрток. Там лежит платье — простое, длинное, белого цвета. Она даже бровью не ведёт, расправляя ткань.

— Будешь, — говорит она спокойно, — если Владыка пожелает. Его воля — закон.

Глава 3

Смотрю ошарашенно на девушку и ничегошеньки не могу сказать. Да, это совершенно непохоже на мой мир, тот, что создала для меня подруга, во всяком случае.

Там у меня всё было иначе. Я жила в зеркальном мире, но события и люди были теми же самыми. А здесь, я явно очутилась где-то в другом измерении.

Тяжело сглатываю, думаю, подкупить или уговорить эту девушку не выйдет, да и не умею я делать этого — никогда не приходилось. Опять же Лика позаботилась о том, чтобы мне не приходилось нарушать закон, я могла быть честной и совершенно ничего не бояться.

— Не переживай, — усмехается девушка, — пока он приказал лишь помыть тебя, накормить и дать отдохнуть. На этом всё.

Она смотрит на меня прямо, и в её взгляде нет ни жалости, ни осуждения. Похоже, в их мире его слово и правда — закон.

— Приказов «подготовить к ночи» не было, — добавляет она, словно прочитав мои самые постыдные мысли. — Так что успокойся. Здесь ты в безопасности.

Успокоиться. Смешно. Я в безопасности в покоях того, кого называют Верховным Карателем, которого боится даже тот скользкий тип Эмиль. Я в безопасности, пока его «воля» не изменится.

Живот предательски урчит. Громко, на всю эту звенящую тишину. Я краснею, хоть сейчас и не до того.

Девушка замечает это. Её губы чуть растягиваются в улыбке:

— Тебе стоит поесть, — говорит она. — Ты слаба. Пища простая, но чистая. Не отравись.

Не отравлюсь...

Какое обнадеживающее заверение.

Но она права. Я слаба. Голова кружится от голода и истощения. А мой внутренний свет, что защитил меня на площади, сейчас молчит, будто его и не было. Может, он питается моими силами? А их-то как раз и нет.

Мысленно махнув рукой на гордость, киваю.

— Хорошо, — бормочу я. — Где... где можно помыться?

Девушка указывает взглядом на другую, почти невидимую в узоре стены, дверь.

— Там. Одежду чистую оставлю здесь. Переоденься после.

Она отходит, давая мне дорогу. Я иду, шатаюсь, к указанной двери. Она открывается от лёгкого прикосновения.

Внутри — не ванная комната в моём понимании. Это грот. Стены из настоящего, шершавого камня, но идеально чистые. В полу — углубление, выложенное гладкой тёмной плиткой. Сверху из почти невидимой расщелины в потолке, струится вода.

Не горячая и не холодная. Приятная, тёплая. Прозрачная, без запаха.

На небольшой каменной полке лежат куски мыла, похожие на неотёсанные минералы, и мягкие полотенца-полотенца.

Странное место, но в то же время и уютное. Закрываю дверь. Механизма замка нет. Недоверие или полная открытость для тех, кто сюда входит? Скорее второе. Не думаю, что к этому Владыке любой может просто войти.

Раздеваюсь. Моя одежда из «прошлой» жизни — кажется здесь чужеродным, жалким артефактом. Скидываю всё в кучу, осторожно ступаю под струю воды.

Она обрушивается на плечи, на голову. Смывает пот, страх и липкое чувство беспомощности. Я закрываю глаза, прислоняюсь лбом к прохладному камню и просто стою, позволяя воде течь по спине.

Дышу. Впервые за много часов дышу почти полной грудью. Боль в груди отступает, становится тупым, фоновым воспоминанием. Может, это и есть «отдых», который мне велели дать?

Намыливаю странное мыло — оно почти не пахнет, пенится слабо, но смывает пыль как надо. Я снова чувствую себя человеком. Хрупким, потерянным, но человеком, а не игрушкой этого Ратибора.

Именно в этот миг, когда мышцы начинают расслабляться, а разум — затуманиваться усталостью, свет вокруг меня меняется.

Не гаснет. Он сгущается. Тень от угла грота начинает ползти по стене, становясь гуще, плотнее, чем должна быть. Воздух тяжелеет. Дышать становится сложно — будто лёгкие наполняются тяжёлым, чёрным сиропом.

Я замираю, вытирая глаза от воды.

Тьма передо мной колышется, собирается в клубок. И из этого клубка медленно проявляются очертания. Сначала — высокий рост. Потом — плечи. Длинные руки. Резкое, бледное лицо.

Ратибор.

Он материализуется прямо здесь, в двух шагах от меня, обнажённой и мокрой. Не входит через дверь. Он вырастает из самой тени.

Крик вырывается из моего горла, прежде чем я это осознаю. Он негромкий, сдавленный, но в этой каменной замкнутости звучит оглушительно, режет слух как ультразвук. Мне самой больно его слышать.

Я отскакиваю назад, спина бьётся о каменную стену. Глаза выискивают хоть какое-то укрытие. Рука нащупывает полотенце, которое висит где-то неподалёку от меня. Рывком срываю его и набрасываю на себя, обматываясь мягкой тканью. Она почти ничего не скрывает, но это хоть какая-то иллюзия защиты.

— Не подходи! — сиплю я, отступая вдоль стены, пытаюсь обойти его, вырваться к двери.

Он не двигается с места. Просто наблюдает. Его ледяные глаза медленно скользят по мне, с головы до ног, изучая каждую деталь. В его взгляде нет пошлости. Есть лишь интерес, будто я не женщина, а редкое явление.

— Ты чистая, — произносит он наконец. Его голос в замкнутом пространстве грота звучит глухо, будто доносится из-под земли. — И всё ещё светишься изнутри. Слабо. Но светишься.

Я останавливаюсь, прижавшись спиной к камню. Дверь слишком далеко. Он между мной и выходом.

Свет. Мне нужен тот свет. Я мысленно взываю к тому тёплому комку внутри, который спас меня на площади. Сжимаю кулаки, концентрируюсь на чувстве страха, ярости, отчаяния — на всём, что тогда его пробудило.

«Ну же! — кричу я сама себе в голове. — Давай! Появись! Ты мне очень нужен! Свети же, чёрт тебя побери! Защити!»

Ничего.

Тишина. Только тихое журчание воды и моё прерывистое дыхание. Паника сковывает горло. Я беззащитна. Совершенно.

Ратибор видит это. Его губы изгибаются едва заметно.

— Не выходит? — спрашивает он, делая один, плавный шаг вперёд.

Всё!

Мне конец. Он может сделать со мной всё, что пожелает, а я совершенно бессильна против него...

Глава 4

Ратибор нависает надо мной. Высокий, холодный столб из тени и плоти. Он протягивает руку с длинными пальцами. Тянется к моему лицу.

Я замираю, жду прикосновения, которое обожжёт своим льдом. Но его пальцы замирают в сантиметре от моей кожи. Он не касается. Просто держит руку так, будто ощупывает невидимое поле. Он будто проверяет что-то.

Странная мысль, нелепая и дерзкая, проносится в голове: а что, если он... боится?

Сразу же отмахиваюсь от неё. Глупость. Верховный Каратель, который материализуется из тьмы и ломает световые барьеры голыми руками, боится полумёртвой девчонки в мокром полотенце?

Вероятность этого — ноль. Ничто. Даже меньше, чем ничто.

Я для него не угроза. Скорее образец. Как бездомная собака незнакомой породы, которую он подобрал на улице. Или, что ещё хуже, инопланетянка.

Существо, которого нужно препарировать, изучить под всеми углами, понять, как оно устроено и откуда взялось, а потом... потом выкинуть. Или поставить в банку со спиртом.

Пока эта паническая чушь крутится в голове каруселью, я замечаю его взгляд. Он скользит не по моему лицу. Он опустился ниже. Изучает. Внимательно, обстоятельно, с тем же холодным любопытством, с каким учёный разглядывает редкий минерал.

Я автоматически следую за его взглядом и чувствую, как кровь бросается в щёки. Полотенце, намотанное наскоро, сползло. Оно прикрывает меня лишь номинально. Грудь обнажена почти полностью, влажная кожа покрывается мурашками не только от холода, но и от этого пристального, бесстрастного наблюдения.

Я судорожно прижимаю ладони к телу, пытаюсь прикрыться, оттянуть ткань. Стыд — жгучий, нелепый, смешанный с яростью — подкатывает к горлу. И эта ярость вдруг перевешивает страх.

Ну на фиг. Ну вот просто на фиг всё.

Задираю голову. Смотрю прямо в его ледяные озёра-глаза. Голос, когда я начинаю говорить, звучит не так, как я ожидала. Он наглый, натянутый, как струна.

— Врываться к девушке в душ вот так — неприлично, — говорю я, и каждое слово падает между нами, как камень. — Вы же, кажется, Правитель. Должны бы это знать. Или в вашем мире нет этикета?

Мне кажется, я сошла с ума. Это самоубийство. Но мне уже всё равно. Унижать себя молча — хуже.

Ратибор не моргает. На его губах появляется едва заметная усмешка, как трещинка на идеальной ледяной поверхности.

— Этикет, конечно же, есть, — отвечает он.

Его бархатный голос звучит тихо, почти ласково. От этого мурашки бегут по спине с удвоенной силой.

— Но он... далёк от привычного тебе земного варианта.

Он делает лёгкий, еле уловимый шаг вперёд. Расстояние между нами сокращается до критического. Я чувствую исходящий от него холод, он пробирается сквозь влажное полотенце и кожу, достигает костей.

Ратибор наклоняется. Его лицо оказывается так близко, что я вижу мельчайшие детали — идеально гладкую кожу, тёмные ресницы, холодную глубину зрачков.

Готова провалиться сквозь землю, или что у меня там под ногами?

— Ты не знаешь наших правил, — произносит он шёпотом, и его дыхание касается моих губ. — И судя по всему, не горишь желанием их изучать.

— Нет, — выдавливаю я. — Не горю.

— Жаль, — он слегка качает головой. — Но выбора у тебя нет. Пока я разбираюсь в том, что здесь произошло, ты будешь здесь. И будешь соблюдать мои правила.

— Так отправьте меня обратно! — вырывается у меня. Голос срывается на высокой ноте. — Щёлкните пальцами, как ваш приятель Демьян, и верните туда, откуда я взялась! Решайте свои разборки без меня!

Его усмешка становится чуть заметнее.

— Демьян, — произносит он это имя с лёгкой, ядовитой интонацией. — Сначала я подумал, что он прислал тебя в качестве подарка. Извинения за свою... прежнюю выходку. Но теперь я вижу — нет. Это что-то другое. Ты не похожа на подарок.

Вот это меня добивает. Чистый шок обрушивается на голову, как ушат ледяной воды. Я даже забываю прикрываться.

— Какой ещё подарок? — я смотрю на него, полностью ошарашенная. — Я человек! А не вещь! И вообще, я тут ни при чём! Он, этот ваш Демьян, он сделал это по ошибке! По привычке, как он сказал! Случайный щелчок!

— Случайность в делах Демьяна — понятие растяжимое, — философски замечает Ратибор.

Его палец, всё ещё висевший в воздухе у моего лица, наконец приходит в движение. Он не касается кожи. Ратибор проводит им по воздуху, следуя контуру моего носа, щеки, подбородка. Останавливается в сантиметре от моих губ.

— Особенно когда речь идёт о мире, с которым у нас некогда были определённые договорённости. Нет, ты здесь не случайно. Раз уж ты здесь, значит, в этом есть смысл. И я докопаюсь до него. Чего бы это ни стоило.

Последние слова он произносит тихо, но в них такая стальная убеждённость, что у меня по спине пробегает холодок, сильнее, чем от его близости.

Я скрещиваю руки на груди — жест настоящего отчаяния, но это позволяет хоть немного закрыться от этого... я даже не знаю, кто он.

Смотрю на него, пытаюсь вложить во взгляд всю накопившуюся ярость, беспомощность и безразличие.

— Я — не подарок! — повторяю я, уже почти крича. — И вообще! Верните меня обратно! Требую!

— О, — он издаёт короткий, тихий звук, похожий на смешок. — Требуешь. Мило. Нет, Аллани. Обратного пути нет. Пока я не пойму, что ты такое и зачем тебя прислали, ты останешься здесь. Можешь жить в этих покоях. Относительно спокойно. Я ещё не решил, что с тобой сделать.

Откуда он знает моё имя? В голове проносится миллион предположений, но вслух вырывается лишь одно:

— Не надо ничего со мной делать! — моя бравада трещит, в голосе снова проскальзывает паническая нотка. — Просто... оставьте меня в покое! Или отправьте домой!

— Дом? — он приподнимает бровь. — Где это? В мир, созданный ведьмой в зубной щётке? Или в тот, где твоё тело медленно умирает? Не думаю, что это хорошие варианты.

Он произносит это так спокойно, так буднично, что у меня перехватывает дыхание. Он знает. Всё...

Знает про щётку и болезнь. Как? Откуда? Лика? Демьян? Или он просто... видит?

Его палец, наконец, совершает то, чего я боялась всё это время. Он слегка, почти неведомо, касается моей нижней губы. Прикосновение обжигает холодом. Не болезненно. Шокирующе. Я вздрагиваю всем телом.

— Отдохни, — говорит он, заостря внимание на моих приоткрытых губах. — Ты ещё понадобишься.

И затем он просто... растворяется.

Не уходит. Не разворачивается. Тень, из которой он явился, сгущается вокруг него, поглощает его очертания, и через секунду передо мной — просто пустое пространство грота, освещённое ровным светом.

Я стою, прижавшись спиной к камню, с мокрым полотенцем в руках, с губами, которые ещё горят от ледяного прикосновения. Потом ноги подкашиваются, и я медленно сползаю по стене на пол. На холодный, влажный пол. Я сижу, обхватив колени, и смотрю туда, где только что был Ратибор.

Кто он?

Демон? Что-то вроде Демьяна, но... другое. Холодное. Расчётливое. Без намёка на жалость или снисходительность.

Каратель. Верховный Каратель. Что это за титул? Кого они карают? За что? И кто такие все эти люди — Эмиль, стражи в живых доспехах, эта служанка?

Я ничего о них не знаю. Вообще ничего. Лица как-то обмолвилась, что Демьян когда-то «выдворил» из нашего мира кого-то очень неприятного, кто пытался устроить там свои порядки.

Может, того самого Эмиля? Раз он так хорошо осведомлён о Демьяне и так его ненавидит? Похоже на то.

Значит, я попала прямо в логово тех, с кем воевали мои друзья. Отлично. Просто замечательно...

Тихонько, почти беззвучно, я шепчу в пустоту, где только что стоял Ратибор:

— Я здесь умру.

И я не драматизирую. Это констатация факта. Я чувствую это. Сверлящая усталость в костях, слабость в мышцах. Боль в груди притихла, но она никуда не делась. Она просто ждёт.

Анника и Юлия Олеговна, конечно, постарались. Заморозили болезнь, стабилизировали меня. Но этого хватило лишь на то, чтобы я не умерла в первые минуты после возвращения.

Этого недостаточно, чтобы просто сидеть и ждать, пока этот Владыка наиграется в свои загадки и примет наконец решение — препарировать, выкинуть или оставить в качестве диковинки.

Я не могу просто ждать. Не могу.

Надо что-то делать.

Но что?

Глава 5

Встать? Вытереться? Одеться? Это хоть какое-то действие. Я поднимаюсь с пола, ноги дрожат, но держат. Оглядываюсь по сторонам, вдруг этот ненормальный опять явится.

Вроде никого. Беру чистое, сухое полотенце с полки, насухо вытираюсь. Это немного успокаивает. Потом выхожу из грота обратно в огромный зал.

На кровати лежит белое платье, аккуратно расправленное, будто его только что погладили. На комод — поднос. На нём чаша с чем-то, похожим на густую кашу без запаха, кусок странного хлеба тёмного цвета, может, бородинский? Хотя откуда бы... и кувшин с водой.

Я осторожно нюхаю еду. Ничего. Ни запаха гнили, ни пряностей. Просто... еда. Не думаю, что меня тут решат отравить. Во всяком случае, пока я интересна Карателю.

А я голодна до тошноты. Беру ложку. Она тяжёлая, металлическая, холодная. И пробую кашу.

На вкус она напоминает овсянку, но без соли, сахара, масла. Просто пресная масса, которая утоляет голод. Хлеб — плотный, сладковатый, его трудно жевать. Вода чистая, без привкуса.

— Да уж, еда — хуже не придумаешь...

Я ем. Медленно, потому что желудок, кажется, забыл, как это делать. Пока ем, оглядываю зал. Кроме кровати, комода и пары низких, широких кресел у стены, здесь больше ничего нет.

Ни книг, ни экранов, ни украшений. Словно келья монаха-воина. Или тюремная камера, стилизованная под покои.

Одеваюсь. Платье простое из мягкой ткани, струится и довольно приятно к телу. Сидит свободно, не стесняет движений. Длинные рукава, но кошмарно открытое декольте. Я такие видела только на картинках. Типа греческой тоги, только будто швея не определилась, для секс-шопа она шьёт или монашкам. Может, так и задумано? Откуда мне знать, какие у них тут порядки...

Что теперь? Лечь на эту злополучную кровать? Снова забиться в угол?

Я подхожу к одной из стен-зеркал. Отражение смутное, будто сквозь дымку. Я вижу себя — бледную, с огромными глазами, в белом платье, которое висит на мне, как на вешалке.

Я похожа на привидение. Или на пациента психбольницы.

Поднимаю руку, касаюсь поверхности. Она холодная и абсолютно гладкая. Не стекло. Что-то другое. Я стучу по ней костяшками пальцев — глухой, плотный звук. Никакой надежды разбить.

Поворачиваюсь, осматриваю зал в поисках чего-то, чего не заметила. И вижу — в противоположной от входа стене есть ещё один проём. Не дверь, а просто арка, затянутая тяжёлой, тёмной тканью.

Подхожу, отодвигаю ткань. За ней — небольшое помещение. Что-то вроде... кабинета. В нише — простой стол и стул. На столе — ничего. На стене над столом — такая же чёрная зеркальная поверхность.

И тут до меня доходит. Здесь нет окон. Вообще. Ни в зале, ни здесь. Только эти чёрные стены и призрачный свет сфер под потолком.

Меня держат в коробке. Красивой, большой, но в коробке.

Возвращаюсь в зал. Сажусь на пол у стены, поджав ноги. Спина упирается в холодную поверхность. Сажусь и смотрю на кровать. На ту самую, огромную и зловещую.

Как он хочет узнать, что я такое? Я и сама не знаю. Раньше я была просто Аллани. Девушка, которая дружила с ведьмой и медленно умирала. Потом стала Аллани, которая жила в зеркальном мире и знала об этом. А теперь я — Аллани, которая светится изнутри и оказалась в клетке у Карателя.

Свет. Этот чёртов свет. Почему он появился тогда и не появляется сейчас? Может, он реагирует только на... угрозу? На непосредственную опасность для жизни? На площади на меня напали. Здесь... здесь пока только изучают. Как подопытную крысу.

А что, если попробовать вызвать его намеренно? Если он внутри меня, должно же у меня получиться.

Я закрываю глаза. Вспоминаю то ощущение — тёплый комок в груди, расправляющийся, как цветок. Концентрируюсь на нём. Представляю, как он разгорается, как свет растекается по венам, выходит наружу.

«Дай свет, — мысленно приказываю своему телу. — Светись».

Ничего. Тишина. Пустота. Только слабый, едва уловимый трепет где-то глубоко внутри. Как отголосок.

Может, нужны сильные эмоции? Не страх, а... ярость? Да, я зла. Я в ярости на Демьяна, на эту ситуацию, на Ратибора, на свою беспомощность. Пробую сфокусироваться на злости. Сжимаю кулаки, стискиваю зубы.

Ничего. Только голова начинает болеть от напряжения.

Я открываю глаза и глупо смотрю на свои руки. Они обычные. Бледные, с проступающими венами. Никакого свечения.

Значит, не так. Или не сейчас.

Или этот свет — не мой. А что-то чужеродное, что включилось в экстренном режиме и теперь снова спит.

Мысль пугает. Если это не моя сила, а что-то, что во мне поселилось... то, что это? И кто его хозяин? Неужели... Демьян? Он же «отправил» меня сюда. Может, он же и засунул мне в грудь этот светящийся суррогат души?

Бред. Но в моей текущей реальности нельзя отвергать даже самые бредовые идеи. Надо всё проверить...

Я сижу так, кажется, часами. Свет от сфер не меняется, часов нет. Есть только тягучее, мучительное ожидание. И тихий, неумолимый голос в голове, который твердит: «Ты умрёшь здесь. Ты умрёшь, и он так и не поймёт, что ты такое. Он просто выкинет твоё тело, как мусор».

Нет. Я не позволю. Я прожила одну жизнь в иллюзии. Вторую — в страхе. Третью, какую бы она ни была, я проживу, пытаюсь выбраться.

Даже если для этого придётся... Да что бы ни пришлось сделать, я сделаю. Я хочу жить!

С этой мыслью, от которой становится и жутко, и горько, я, наконец, поднимаюсь с пола. Подхожу к кровати. Смотрю на неё. Потом со вздохом, забираюсь на неё, отползаю к самому краю, к стене, и накрываюсь лёгким покрывалом. Оно холодное.

Я не сплю. Я лежу с открытыми глазами и смотрю в чёрное зеркало потолка, в котором отражаются призрачные сферы. И жду. Неизвестно чего.

Но я уже не жертва. Я — проблема, которая решила стать неудобной. Маленькая, умирающая, но проблема.

Посмотрим, Верховный Каратель, что ты будешь с этим делать.

Глава 6

Засыпаю я неожиданно для себя. Одна секунда — я смотрю в потолок и ненавижу всё на свете, следующая — проваливаюсь в тяжёлый, без сновидений сон.

Просыпаюсь от шороха. Негромкого. Такого, какой бывает, когда кто-то старается двигаться тихо, но у него это не очень получается.

Я вскакиваю на кровати, сердце колотится где-то в горле. В полумраке зала, у комода, стоит служанка. Та самая, что и в прошлый раз. В руках у неё — новый поднос. Она как раз наклонилась, чтобы поставить его рядом с кроватью.

Моё резкое движение её явно пугает. Она вздрагивает, поднос выскальзывает из рук и с оглушительным грохотом обрушивается на каменный пол. Чаша, кувшин, ложка — всё это звенит, подскакивает и раскатывается в разные стороны. Что-то бьётся.

Еда летит на пол, а брызги жидкости пачкают моё белоснежное платье.

— А-а! — выдыхает служанка, и её лицо искажает гримаса раздражения, а вовсе не испуга.

Она шипит что-то себе под нос на странном языке. Звучит как ругательство. Думаю, это оно и есть.

— Ой! Прости! — автоматически выпаливаю я и спрыгиваю с кровати, бросаюсь собирать осколки и хватаю откатившийся хлеб.

Моя помощь явно не входит в её планы. Она резко отталкивает мою руку, чуть ли не царапая меня ногтями. Как-то не особо доброжелательно это...

Что я такого сделала? И вообще, она первая меня напугала. Можно просто принять мою помощь.

— Не мешайся под ногами! — бросает она сквозь зубы уже на понятном мне языке. Её глаза, тёмные и недружелюбные, сверкают в призрачном свете сфер. — Сама намусорила, сама и уберу!

Я отдёргиваю руку и фыркаю, обиженная до глубины души. Я же ничего такого! Просто человеческая помощь. Хотя о чём это я? Здесь же нет людей... в том смысле, в котором я привыкла, во всяком случае.

— Да не очень-то и хотелось! — огрызаюсь, отступая на шаг. И, глядя на эту размазанную по полу пресную кашу, добавляю: — Всё равно есть эту дрянь невозможно. Она ужасна. Даже мои перекусы в универе были вкуснее.

Служанка, собиравшая осколки, замирает. Но вовсе не потому, что я её оскорбила своими словами. Её взгляд устремляется куда-то за мою спину. Весь её вид меняется моментально — спина сгибается, голова опускается, дыхание замирает. Она выглядит так, будто её вот-вот прихлопнут.

— Владыка... — шепчет она, почти не двигая губами, и падает на колени прямо в лужу разлитой воды и каши. — Простите... это я...

Я медленно, очень медленно поворачиваю голову.

Ратибор стоит в нескольких шагах от меня. Не явился из тени. Стоит у арки, затянутой тканью, будто только что вышел из своего «кабинета». На нём не плащ тьмы, а простые, чёрные, облегающие штаны и такая же чёрная рубашка с длинными рукавами.

Выглядит... почти по-человечески. Если бы не лицо. Оно по-прежнему бледное, резкое и абсолютно непроницаемое. Он смотрит на служанку, но будто не видит её. Его взгляд скользит по разлитой еде, по осколкам, и останавливается на мне.

— Прошу прощения за беспорядок, господин, — лепечет служанка, прижимаясь лбом к полу. — Я...

Ратибор приподнимает руку. Едва заметное движение. Служанка замолкает мгновенно, будто ей перекрыли кислород.

— Уходи, — говорит он тихо, не глядя на неё.

Служанка подсакивает на ноги, не поднимая головы, и почти бегом исчезает в потайном проходе, который ведёт сюда. Стена смыкается за ней.

Мы остаёмся вдвоём. Я, в своём белом платье с дурацким декольте, и он, в чёрном, похожий на тень, отлитую в человеческую форму.

— Так, — произносит он. Голос ровный, без намёка на эмоции. — Еда не понравилась, значит.

Я стою, чувствуя себя идиоткой, и не знаю, что сказать. Стою и молчу.

Он усмехается. Коротко, одним уголком рта.

— Ты можешь готовить сама, — предлагает он, делая шаг вперёд. Он обходит лужу на полу, подходит ко мне. — Здесь никто не знает, что едят... люди. Если ты всё ещё человек. В чём я, признаться, сомневаюсь.

Это задевает и изумляет.

— А что я, по-твоему, редиска? — вырывается у меня. Я задираю голову, чтобы смотреть ему в глаза, хватит с меня страха. Но он слишком высокий. — Я человек! Самый обычный! Ну, почти обычный. С болезнью и со светящимся нутром, которое не работает когда нужно!

— «Почти» — ключевое слово, — замечает он. Его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на шее, на открытой груди, потом возвращается к глазам. — Но если ты настаиваешь на своей человечности... что ж. Докажи. Приготовь что-нибудь человеческое. Съедобное.

Я смотрю на него с недоверием. Это ловушка. Должно быть.

— И где я буду готовить? На полу? Из осколков?

— Я отведу тебя туда, где можно взять продукты и воспользоваться кухней, — говорит он, как о чём-то само собой разумеющемся.

— Вы... лично? — не могу скрыть изумления и сарказма.

— Лично.

Я мысленно перебираю варианты. Подвох. Обязательно должен быть подвох. Может, это предлог вывести меня из «покоев» и... не знаю... прикончить, бросить в какую-нибудь яму? Или... или ещё что похуже.

— Зачем? — спрашиваю я прямо. — Чтобы по дороге меня не съели ваши стражники в живых доспехах?

— Стражники выполняют приказы, — парирует он. — Так что не злись на них. Так что? Отвести тебя на кухню?

Я колеблюсь. Живот издаёт громкое, предательское урчание. Я краснею. Чёрт. Ответ на его вопрос очевиден.

— Ладно, — сдаюсь я. — Но только... что вы вообще едите? Я имею в виду, вы, Каратели? Если вы не люди, то моя еда вам может быть... противопоказана.

Он приподнимает бровь.

— Ты собираешься готовить что-то настолько экзотическое, что думаешь, моё тело с этим не справится? — в его голосе снова звучит ядовитая усмешка. — Не волнуйся. Я вполне могу разделить с тобой трапезу. Если, конечно, она того стоит.

Мысль проносится молнией: а что, если попробовать его отравить? Случайно, конечно. Перепутать специи. Если они тут вообще есть. Удастся ли мне сбежать после такого? Он же сам решил человеческого отведать, а ему оно не пошло, допустим...

Ратибор смотрит на меня, и его взгляд становится... пронизательным. Слишком пронизательным.

— И забудь об идее с ядом, — говорит он спокойно, будто прочитал мои мысли. А может, и прочитал. Чёрт его знает, на что он способен. — Это не сработает. У меня иммунитет. Ко всем известным токсинам. Да и к неизвестным, думаю, тоже.

Я злобно сжимаю губы. Значит, так. Даже мысленно строить планы против него бесполезно.

— Ну хорошо! — говорю я, уже откровенно раздражённая. — Идёмте на вашу чудокухню. Посмотрим, что у вас там есть. Хотя я уже почти уверена, что ничего путного.

— Прекрасно, — кивает он и указывает рукой на главный выход из зала — на те огромные, непонятно как открывающиеся двери. — Пойдём прямо сейчас.

— Прямо... сейчас? — я оглядываюсь на себя: грязное с одной стороны платье, растрёпанные волосы, босые ноги. — Вот так просто? Без... подготовки?

— А что нужно какое-то особое время для этого? — он смотрит на меня с искренним, как мне кажется, недоумением. — Ты же хочешь есть. Я предлагаю решение. В чём проблема?

Проблема в том, что я ему не верю. Ни на йоту.

— В чём подвох? — спрашиваю я прямо, упирая руки в бока. — Должен же быть подвох. Вы не из тех, кто просто так выполняет капризы пленниц.

Он замирает. Потом медленно, очень медленно поворачивается ко мне всем корпусом. Его глаза сужаются.

— Ты права, — говорит он тихо. — Подвох есть.

Вот. Так-то лучше. По крайней мере, честно.

— И какой же? — выдавливаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, но это сложно, когда он делает широкий шаг ко мне.

Глава 7

Он делает шаг ко мне. Ещё один. Теперь он совсем близко. Я чувствую холод, исходящий от него, как от открытой морозильной камеры. Он наклоняется, и его губы оказываются рядом с моим ухом.

— Я дам тебе право приготовить всё, что пожелаешь, — шепчет он. Его дыхание холодит мочку уха. — Из всего, что найдёшь. Я предоставлю всё, что пожелаешь. Я даже попробую. Но...

Он отстраняется, чтобы посмотреть мне в лицо. На его губах расплывается улыбка. Не усмешка. Полноценная, зловещая ухмылка, в которой нет ни капли веселья. Только холодный азарт.

— ...но если мне не понравится...

Я замираю. Сердце стучит где-то в ушах. В зале становится тихо настолько, что слышно, как где-то далеко падает капля воды.

— Что? — слышу я свой собственный, слабый голос. — Что тогда?

Он выпрямляется, глядя на меня сверху вниз. Ухмылка не сходит с его лица.

— Тогда, милая Аллани, мы вернёмся сюда. И я займусь тобой по-настоящему. Не как интересным образцом светлой магии. А как настоящей пленницей, которая оказалась настолько бесполезной, что даже накормить себя не в состоянии. И я покажу тебе, что значит — разочаровать Карателя.

Он произносит это так спокойно, так буднично, что у меня по спине пробегает ледяной пот.

Это не угроза расправы. Это хуже.

— Вы... вы шутите, — пытаюсь я, но звучит это жалко.

— Я никогда не шучу на тему еды, — отвечает он совершенно серьёзно. — Или на тему своих решений. Ну что, повариха? Готова рискнуть?

Я смотрю на его лицо, на эту ледяную ухмылку. Смотрю на дверь. Смотрю на свой голодный, урчащий живот. Вспоминаю вкус той каши. Вспоминаю, что сказала себе перед сном: хочу жить. И для жизни нужно есть.

А ещё... а ещё это шанс. Выйти из этой коробки. Увидеть хоть что-то кроме этих чёрных зеркал. Узнать что-то о месте, где я оказалась. Даже под охраной.

И это испытание. Глупое, нелепое, пахнущее средневековьем — накорми повелителя, чтобы сохранить голову. Только вместо головы, кажется, на кону моя ценность как «образца».

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

И что он может со мной сделать как с пленницей? Осознание приходит очень быстро. И казнь, почему-то мне уже не кажется такой уж страшной. Уверена, есть вещи и похуже.

Я делаю глубокий вдох. Выпрямляюсь. Поправляю своё дурацкое платье.

— Ладно, — говорю я, стараясь вложить в голос уверенность, которой нет. — Ведите. Покажите свою кухню. Только предупреждаю — я готовлю так себе. Лика всегда говорила, что из меня повар, как из её кота — балерина.

Вру, конечно. У Лики не было кота, а я была слишком мала, чтобы готовить, когда она отправила меня в щётку.

Да, в своём параллельном мире я научилась готовить, но я далеко не шеф-повар. Так, по мелочи, закуски в основном и пара блюд, типа борща. В том мире мне не сильно-то надо было заморачиваться — всё было создано, чтобы я жила и была счастлива.

У меня такое ощущение, что я слишком долго была счастлива и просто не видела реальной жизни. Пока мои подруги преодолевали препятствия, снимали проклятия и связывали

судьбу со сверхъестественным я жила не просто с розовыми очками, а за розовыми стенами толщиной в несколько метров.

И вот... стены рухнули...

Ратибор смотрит на меня ещё секунду, его ухмылка постепенно сходит на нет, сменяясь привычным, холодным, изучающим выражением.

— Посмотрим, — произносит он и поворачивается к двери.

Он не идёт к ней. Он просто смотрит. И огромные, тяжёлые створки начинают сами собой раздвигаться в стороны, беззвучно и плавно, открывая тёмный проход.

— После тебя, — говорит он, делая широкий, театральный жест рукой.

— Сама галантность, — фыркаю я.

Сглатываю комок в горле, подхожу к проёму и заглядываю внутрь. Там — не лифт. Длинный, слабо освещённый коридор, стены которого сделаны из того же тёмного, будто впитавшего весь свет материала.

Кошмарный интерьер...

Шагаю внутрь. Холод от пола проникает сквозь босые ноги. За моей спиной раздаются тихие шаги — он следует за мной. Двери смыкаются.

Мы идём по коридору. Ратибор не говорит ни слова. Я тоже молчу, озираясь по сторонам. Коридор прямой, без ответвлений. Освещение исходит от самих стен — они слабо мерцают матовым, серым светом. Никаких окон, никаких дверей. Просто тоннель.

— Далеко? — не выдерживаю я наконец.

— Нет, — отвечает он односложно.

Ещё через минуту ходьбы коридор заканчивается. Перед нами — ровная стена. Ратибор подходит вплотную, прикладывает к ней ладонь. Под его рукой возникает сложный, светящийся голубым узор, который быстро гаснет. В стене появляется проём.

М-да... попасть на такую кухню для ночного жора будет проблематично...

Запах. Резкий, пряный, с нотками дыма, странных трав и... мяса? Что-то вроде мяса.

Я втягиваю носом воздух и делаю шаг вперёд.

И замираю на пороге.

Это не кухня. Это — чрево какого-то гигантского, тёмного существа, иначе как объяснить этот ужас, что я вижу перед собой?

Как здесь можно готовить?

— И что ты собираешься делать? — раздаётся его голос над моим ухом.

Подпрыгиваю, еле сдерживая крик. Затем оборачиваюсь и спрашиваю:

— Ещё не решила. Где у вас здесь продукты лежат? Холодильник? Шкаф?

Каратель расплывается в улыбке:

— Назови любой продукт, — он щёлкает пальцами, а меня бросает в пот от этого звука.

В последний раз, когда я его слышала, это не принесло мне ничего хорошего. Только плен в этом странном мире.

Ну и что этот щелчок теперь со мной сделает?

Глава 8

— Я жду, — звучит голос Карателя.

Только сейчас понимаю, что сжалась в комочек и зажмурилась. Приоткрываю один глаз. Я всё ещё на этой странной кухне, где дым исходит не из вытяжек — его источают сами стены, сложенные из грубого, пористого чёрного камня. А в трещинах пульсирует тусклое, багровое свечение как вулканическая лава.

— Я-а-а... — смотрю на него во все глаза, рядом с Карателем висит какой-то портал.

Наверное, портал.

У меня сжимается всё внутри, ноги становятся ватными. Я инстинктивно отпрыгиваю дальше, натываясь спиной на холодную каменную колоду.

— Ка-картошка?.. — шепчу, а глаза так и прикованы к штуковине рядом с ним. — Морковь, свёкла...

— Хм, — он произносит, и в его голосе звучит лёгкая задумчивость. — Примитивно. Но как пожелаешь.

Он поднимает руку и — чёрт возьми — опять щёлкает пальцами.

И воздух перед Ратибором завихряется. Он темнеет, сгущается, и из него валится картофель. Три штуки, грязные, в земле. Две морковки, одна кривая. Крупная, бордовая свёкла с хвостиком. Всё самое обычное, земное. Рядом с ними материализуется пучок зелёного лука и несколько зубчиков чеснока.

Я смотрю на это, и у меня отвисает челюсть. Сначала от шока, потом от дикой, безумной надежды.

— О-откуда? — выдыхаю я, не отрывая взгляда от портала. Там, в глубине, мелькает что-то ещё... дерево? Небо? — Это... это с Земли? С моей Земли?

— Да, с той, что ты называешь своей, — подтверждает Ратибор, наблюдая за моей реакцией. Его голос ровный, но в нём слышится любопытство. — Точнее, с одного из её бесчисленных рынков. Не самый чистый источник, но для твоих нужд подойдёт.

Земля. Там за этим порталом, всё ещё идут люди, едут машины, светит солнце.

Лица, наверное, ищет меня. Или ругается с Демьяном. Анника и Юлия Олеговна... они думают, что я исчезла навсегда.

Без мысли, на чистом, животном порыве, я делаю рывок. Не к овощам. К portalу. К этому светящемуся окну в нормальный мир.

Я не думаю о том, что будет, когда я пролезу. Не думаю о том, что это может быть ловушка. Я просто хочу домой. Хочу обратно. Сейчас.

Успеваю сделать два быстрых шага, я уже тянусь к мерцающему краю разрыва...

Сильная, холодная рука хватается меня за талию и резко оттягивает назад. Я вскрикиваю, потеряв равновесие, и падаю спиной на грудь Ратибора. Он держит меня одной рукой, прижимая к себе.

— Куда, сумасшедшая? — его голос звучит у меня прямо над головой, низко и опасно. — Тебя же разорвёт на части. Материя портала нестабильна для живых существ без защиты. Ты хочешь превратиться в фарш?

— Отпусти! — я начинаю биться, вырываться, толкаться локтями. Отчаяние придаёт сил. — Отпусти меня! Я хочу домой! Это же мой мир! Там! Отпусти!

Я бьюсь, мои босые пятки шлёпают по его ногам, кулаки молотят по его руке, держащей меня. Это бесполезно. Он крепок, как скала. Но я не сдаюсь. Слёзы злости и бессилия заливают лицо.

И вдруг он отпускает меня.

Не оттого, что я его поборола. Он просто разжимает руку. Я, не ожидавшая этого, падаю на колени на холодный каменный пол, спотыкаюсь, хватаюсь за край стола, чтобы не упасть лицом вниз.

Поднимаю голову, чтобы что-то крикнуть. И замираю.

Ратибор стоит, глядя на свою руку — ту самую, которой он держал меня. На его бледной коже, на тыльной стороне ладони и на предплечье, видны... отметины. Не царапины от моих ногтей.

Что-то вроде лёгких ожогов. Полосы, которые светятся изнутри слабым, золотистым светом. Точь-в-точь как светился мой барьер на площади.

Он медленно переводит взгляд и смотрит на меня. И его глаза... они вспыхивают жёлто-алым. Ярким, как расплавленное железо. В них нет гнева. Только неподдельный интерес.

Встаю на ноги и пыхчу от него, натываясь на всё подряд.

— Я... я приготовлю борщ, — лепечу я, сама не понимая, почему говорю именно это. Мозг в панике хватается за первую попавшуюся мысль. — Хороший борщ. Вы же хотели, чтобы я приготовила... я приготовлю. Только не надо на меня так смотреть...

Он не слушает. Он делает шаг вперёд. Ещё один. Алое свечение в его глазах не гаснет, оно пульсирует в такт чему-то.

— Как? — спрашивает он. Голос звучит тише, но в нём появилась новая, колющая нота. — Как ты это сделала?

— Вот... вот так, — мямлю я, держась за стол для опоры. — Я... я просто вырывалась. Я не хотела... Я не знаю, что это!

— Ты обожгла меня, — констатирует он и снова смотрит на свою руку. Светящиеся полосы уже бледнеют, исчезают. — Своим светом. В состоянии паники, без концентрации. Интересно. Очень...

Он поднимает взгляд. Алый свет в его глазах, наконец, угасает, сменяясь привычным холодным блеском, но в глубине остаётся что-то новое — жадное, цепкое.

— Список продуктов, — говорит он, и его голос снова становится повелительным, ровным. — Для твоего... борща. Что ещё нужно?

Я стою, дрожа, и пытаюсь сообразить. Борщ. Нужен бульон. Мясо. Но какое?

Я девушка, которая до вчерашнего дня ела пельмени и гречку. Я питалась в институтской столовке и не думала, что от моей стряпни будет зависеть милость Владыки...

— Говядина, — выпаливаю я первое, что приходит в голову. — Или свинина. Лук репчатый. Лавровый лист. Соль. Томатная паста. Или помидоры. Капуста. Сметана.

Я говорю это на автомате, глядя не на него, а на портал, который всё ещё висит в воздухе за его спиной, мерцающая тёмными всполохами.

Дом... там мой дом, но переход убьёт меня. А какая разница, если мне всё равно не жить? Он вообще мог соврать, чтобы удержать меня. Может, рискнуть?

Глава 9

Ратибор слушает, кивает. Потом снова щёлкает пальцами.

Я вздрагиваю от звука, но на этот раз не отпрыгиваю. Просто смотрю.

Из портала, прямо на стол рядом с овощами, начинают падать новые продукты. Кусок мяса — обычный, красный, с жирком. Луковица в золотистой шелухе. Банка с надписью «Томатная паста» кириллицей. Пакетики с лаврушкой и перцем. Пакет соли. Бутылочка с уксусом.

И даже небольшой глиняный горшок, из-под которой тянет кисловатым запахом сметаны. У кого он это спёр?

Кажется, я теперь понимаю бабушек, которые говорят, что если что-то пропало — это чёртик взял поиграть. Ну, Ратибор — не чёртик, и вряд ли вернёт, что взял, но явно из той же оперы...

Все продукты выглядят такими земными и родными. Но на этой inferнальной кухне они смотрятся дико, нелепо и бесконечно желанно.

Портал гаснет, исчезает с тихим шелестом.

Ратибор подходит ко мне. На этот раз осторожно. Он смотрит на мои руки, потом на своё предплечье, где уже не осталось и следа от ожогов.

— Удивительно, — произносит он почти шёпотом. Потом поднимает руку и... касается.

Не хватает. Не держит. Кончиками пальцев он проводит по моей щеке. Его прикосновение по-прежнему холодное, но теперь в нём нет той прежней ледящей пустоты. Есть... напряжение. Как от прикосновения к оголённому проводу, который может ударить.

Я замираю, не в силах пошевелиться.

— Я с нетерпением жду, — говорит он, его голос становится низким, вкрадчивым, — когда смогу попробовать тебя на вкус.

Я хлопаю глазами. Мозг, застывший от страха и неожиданной нежности, с трудом переваривает слова.

— Вы... имели в виду попробовать борщ... — говорю я глупо.

Ратибор усмехается, от этой усмешки вокруг его глаз появляются лёгкие морщинки.

— И его тоже, — соглашается он, и его палец скользит с моей щеки к углу губ, задерживаясь там на мгновение. Потом он отнимает руку, разворачивается и отходит к одному из столов, опираясь на него, как на трибуну. — Ну что ж, повариха. Ты получила всё, что просила. Время пошло. Покажи, на что способна твоя... человеческая кулинария.

Он смотрит на меня. Взгляд тяжёлый, ожидающий. И я понимаю, что игра началась по-настоящему. И ставки только что взлетели до небес. Потому что теперь он заинтересован не только как исследователь. Теперь он заинтересован как... как кто? Как охотник, почуявший необычную дичь?

Боюсь даже представить, что он имел в виду, говоря, что хочет попробовать на вкус меня... если плохо сварю борщ, он сварит меня?

Я отворачиваюсь, хватаю со стола мясо. Уточнять не хочу, лучше погрузиться в работу. Вдруг ему понравится моя стряпня, и он ничего мне не сделает...

Делаю глубокий вдох, пытаюсь загнать подальше дрожь в руках.

Смотрю на мясо, на овощи, на банку с пастой. Руки дрожат. Не от холода — от этого его взгляда, от этих слов, от пальца, который всё ещё горит на моей губе.

— Нож есть? — спрашиваю не оборачиваясь.

— Сейчас будет.

Щелчок, к котором я уже равнодушна. На столе рядом с мясом материализуется нож. Обычный, кухонный, с чёрной рукояткой. Не inferнальный, не светящийся. Просто нож.

— Вода?

— Там. — Он кивает куда-то в угол.

Там действительно есть раковина. Чёрный камень, из стены бьёт тонкая струя воды. Подхожу, начинаю мыть овощи. Свёкла пачкает руки бордовым. Картошка скользкая, мокрая.

За моей спиной тишина. Я чувствую его взгляд между лопаток. Он не двигается, почти не дышит. Просто смотрит.

— Вам обязательно стоять над душой? — не выдерживаю я.

— Да, — отвечает он спокойно. — Это самое интересное, что происходило на этой кухне за последние лет сто.

— Сочувствую вашей кухне, — бурчу.

Он не отвечает. Я чищу картошку. Нож слушается плохо, кожа сходит неровными ломтиками. В моём мире я готовила, но там всё было проще. Там от моей стряпни не зависела моя невинность...

Мясо режу дрожащими руками. Куски получаются разного размера — одни толстые, другие тонкие. Я впервые готовлю такое сложное блюдо, зачем я только сказала, что буду готовить его?

— Кастрюля, — бросаю я.

Щелчок. На плиту, вернее, на эту странную штуку с разноцветными огнями — опускается тяжёлая чёрная посуда. Не кастрюля. Котёл. Самый настоящий котёл, как у ведьм на Хэллоуин. Наверное, у Лики есть такое.

Я смотрю на него. Потом на Ратибора.

— Вы издеваетесь?

— Это единственная ёмкость для варки, — он пожимает плечами. — Мои повара готовят иначе.

— Верю, — бормочу я.

Ставлю котёл на синий огонь. Он греется быстро, почти мгновенно. Бросаю мясо. Оно шкворчит, подпрыгивает. Заливаю водой. Вода прозрачная, но в этом котле кажется чёрной.

Лук режу и плачу. Не от лука — от бессилия. Слезы текут по щекам, я вытираю их тыльной стороной ладони, пачкая лицо свекольным соком.

— Тебе помочь? — голос Ратибора звучит неожиданно близко.

— Нет, — огрызаюсь я. — Справлюсь.

— Упрямая, — смеётся он, чуть не прижимая меня к столу. — Мне нравится.

— Просто боюсь, что вы что-то натворите с моим борщом, а потом заставите меня расплачиваться.

— М-м, — смеётся он и отходит.

Чищу свёклу. Тру её на тёрке, которая тоже появилась после щелчка. Пальцы скользкие, красные. Я похожа на мясника-неудачника.

Потом в ход идёт капуста, кладу её в отдельную посуду. Добавляю уксус. Капаю от души. Мама, когда учила меня готовить, говорила: «Уксус не соль, его много не бывает». Кажется, я тогда её неправильно поняла, аромат по кухне разлетается совсем не такой, как на нашей домашней кухне, когда мама готовила.

В котёл летит картошка, морковь, лук. Томатная паста. Соль — на глаз. Перец — горсть. Лаврушка — три листа.

Всё это варится, булькает. Пахнет по-человечески, хоть и не так, как я привыкла.

Размешиваю деревянной ложкой, которая материализовалась в моей руке без просьбы.

Всё. Борщ готов. Или не борщ. Или чёрт знает что.

Накладываю в тарелку. Белая, простая, без узоров. На тёмном столе она светится, как луна. Наливаю бордовую жижу. Сверху — ложка сметаны.

Поворачиваюсь. Ратибор стоит там же, где и стоял. Ждёт.

— Вот, — ставлю тарелку перед ним. Руки трясутся, бульон плещется через край. — Ваш... ужин.

Он берёт ложку. Медленно опускает в тарелку. Зачерпывает. Подносит ко рту.

Я смотрю, как он осторожно погружает ложку в рот. И не боится же... жуёт. Его лицо — каменное. Ни одной эмоции. Ни намёка на удовольствие или отвращение.

Он просто ест. Ложку за ложкой. Молча. Не отрывая от меня взгляда.

Это пытка. Настоящая.

— Ну? — не выдерживаю я. — Вкусно?

Он проглатывает очередную ложку, аккуратно кладёт прибор на стол.

— Скажи сначала ты, — кивает на вторую тарелку. — Попробуй.

Неужели я справилась? Воодушевление переваливает через край. Я хватаю ложку. Зачерпываю. Пробую.

И чуть не давлюсь. Что это за гадость?! Мне конец...

Глава 10

Кислый. Не просто кислый — уксусный, химический, выедающий нёбо. Я переборщила. Сильно. Катастрофически. Овощи разварились и превратились в кашу, а мясо невероятно жёсткое. Это не борщ. Это... гадость.

Я смотрю в тарелку, и мне хочется провалиться сквозь этот чёрный камень прямо в преисподнюю. Там, наверное, не так стыдно, как здесь.

И как мне теперь выкрутиться? Я отлично помню, что на кону, но я не собираюсь потворствовать прихотям этого Карателя. Мне плевать, что он там думает, моя невинность ему не достанется!

— Должен ли он быть таким кислым? — с любопытством спрашивает Ратибор.

Кажется, он даже не зол.

— Нет, — выдавливаю я. — Не должен.

И зачем я это сказала? Надо было сказать, что да! Он же наверняка не пробовал другого борща. Хотя кто мешает для сравнения щёлкнуть пальцами и притащить сюда блюдо из любого ресторана.

— Но ты сделала его таким. Почему? — продолжает он свой допрос, а я подвисаю.

Зачем его служанка делала ту отвратную кашу, если он мог просто щёлкнуть пальцами? Может, в той каше было что-то?..

— Потому что я... — слова застревают в горле, а мозг судорожно работает, разрываясь между ответом и мыслями о каше. — Это мой первый борщ. Настоящий. Я переборщила с уксусом. И вообще... я никогда не была хорошим поваром. Я не умею готовить. Совсем.

Вываливаю на него всё, что у меня на душе. Врать я не могу. Обманывать даже этого Тёмного Владыку нехорошо. Неправильно, да и ему не составит труда проверить мои слова. Так я хотя бы честной останусь.

Он смотрит на меня. Ждёт. Чего ждёт?

— Но, — добавляю я отчаянно. — Борщ на Земле — это... это как зелье! Да! У каждой хозяйки он свой. Уникальный. Моя бабка, если бы она у меня была, варила бы кислый. Я просто... унаследовала.

— Зелье, — повторяет он задумчиво. — Значит, одни хозяйки варят еду. Другие — зелье. А третьи...

Он смотрит на мою тарелку. Потом на меня. Договаривать не надо. Отраву, как я...

— Если не нравится, можете не есть! — выпаливаю я, чувствуя, как щёки заливают краска. — Я не заставляю!

— Я не говорил, что мне не нравится, — отвечает он спокойно и снова берёт ложку.

Я смотрю, как он ест. Ложка за ложкой. Без удовольствия, но с какой-то упрямой методичностью. Как будто решает задачу. Как будто этот прокисший уксусный борщ — эксперимент, который нужно довести до конца.

Может, у него пунктик на доведении дел до логического завершения?

Я тоже ем. Молча. Глотаю кислую жижу, почти не жуя. Это ужасно. Но это лучше, чем та каша, которую мне приносили. Та была пресной и мёртвой. В этом борще хотя бы есть жизнь — пусть кривая, кислая, неудачная, но настоящая.

Мы сидим в тишине. Слышно только, как ложки звенят о тарелки.

Я ем ещё пару ложек и отставляю тарелку.

— Всё, — говорю в пустоту. — Сыта.

Ратибор откладывает свою ложку. Его тарелка пуста. Он доел всё.

— Ты удовлетворила свой голод? — спрашивает он.

Я поднимаю на него глаза.

— Какое вам дело? Изверг, — огрызаюсь.

— Никакого, — он спокойно выдерживает мой взгляд. — Я просто хочу убедиться в том, что ты больше не голодна.

— Тоже мне заботливый нашёлся, — бурчу еле слышно.

— Можно и так назвать, — соглашается он. — Хочу напомнить о том, что стояло на кону. Я замираю. Ложка выскальзывает из пальцев, со звоном падает на камень.

— Вы же сказали... — голос срывается. — Вы ели. Вы доели всё. Значит...

— Значит, что? — он наклоняет голову, разглядывая меня.

— Значит, вам понравилось! — почти кричу я. — Или хотя бы не понравилось! Вы не сказали, что не понравилось!

— Но я и не сказал, что понравилось.

Это правда. Он не говорил. Ни да ни нет. Просто ел.

— Вы... вы...

— Я услышал твою теорию про уникальное зелье каждой хозяйки, — перебивает он. — Она интересна. Но она не отменяет нашего пари. Ты проиграла, Аллани. Твой борщ — кислый, разваренный и несъедобный для нормального существа.

— Но вы же съели!

— Я Каратель. Я могу есть всё. Вопрос не в том, могу ли я. Вопрос в том, должно ли мне это нравиться.

Он встаёт из-за стола. Огибает его, медленно, плавно. Подходит ко мне. Крокодил хренов, поди, и гвозди переварит, если приспичит...

— Теперь ты пойдёшь в постель, — говорит он.

Я вскакиваю, табуретка с грохотом падает на пол.

— Что?! С чего это?! — голос срывается на визг. — Я не... я не буду...

— Я обещал, что если мне не понравится, мы вернёмся в покои, и я займусь тобой как с пленницей, — он останавливается в шаге от меня. — Мне не понравилось. Ты — пленница. Я — Каратель, который ждал от тебя совсем другого вкуса.

— Но ты ел! — от страха перехожу на ты и начинаю пятиться. Упираюсь спиной в холодную стену. — Ты не сказал сразу! Это нечестно!

— Честно? — он наклоняется, приближая своё лицо к моему. — Ты хотела сбежать в портал. Ты обожгла меня. Ты сварила уксусный суп с мясом и назвала его «уникальным зельем». И ты говоришь мне о честности?

Я открываю рот, чтобы возразить, и не могу. Потому что он прав. Во всём.

— Значит, ты, простите, вы должны... — шепчу я. — Должны меня... наказать?

— Должен, — подтверждает он.

Я зажмуриваюсь, готовясь к чему-то страшному. К боли. К холоду. К тьме, которая поглотит меня без остатка. Мало ли что он там имел в виду, говоря про то, что будет обращаться со мной как с пленницей...

Но вместо его гнева и боли я чувствую его губы на своих.

Поцелуй холодный. Не ледяной, как я ожидала, а прохладный, как глоток родниковой воды в жару. Он не грубый. Он медленный, тягучий, будто Каратель пробует меня на вкус — так же, как пробовал мой уксусный борщ. Вдумчиво. Обстоятельно.

Я не отвечаю, признаться, я не особо-то и могу. В мире, который создала для меня подруга, не было «моего парня». Никто не целовал меня на выпускной, на вечеринке... да я и не ходила на эти вечеринки. Было не до них...

Я стою, прижатая спиной к стене, и чувствую, как пальцы Ратибора скользят по моей шее, находят венку, которая умопомрачительно стучит, замирают там.

Когда он отстраняется, то смотрит в мои распахнутые глаза.

— Да, — говорит он тихо. — Так и думал.

— Что? — выдыхаю я от искреннего шока.

— Ты слаще, чем я мог себе представить, — отвечает он. И уходит. — А теперь марш в кровать, я не шутил, — бросает он, не глядя на меня. — Раз не смогла удовлетворить меня своей стряпнёй, придётся постараться иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.